

Демьянков выдержки

В рамках интерпретирующего направления переосмысливается весь комплекс задач, связанных с деятельностью человека {Note 1}. При интерпретации речи мы пользуемся не только обыденными, но и специальными знаниями, – особенно общаясь по поводу науки; но каковы механизмы "перекачки" знаний в состав обыденных представлений, пока еще не ясно. Несомненно пока только то, что к этим механизмам непосредственное отношение имеет интерпретативная речевая деятельность.

{Note 1. Должно существовать, по [M.Bierwisch 1979, с.50], такое разделение труда между различными теориями-модулями концепции человека:

а) теория языка устанавливает звуковые, морфолого-синтаксические и логические структуры и совпадает во многом с теорией грамматики, она должна быть совместимой с моделированием интерпретационных процессов;

б) теория обыденного знания выявляет устройство систем понятий, определяющих перцептивную, когнитивную и моторную переработку информации об окружающем мире;

в) теория социального взаимодействия исследует структуры межличностных отношений, частным проявлением которых являются коммуникативные действия.

Противопоставление систем знаний процессам и механизмам их использования внеположено этому трехчастному делению, позволяя модифицировать каждую из частей этой модели. А такие модификации – естественный результат теоретического и эмпирического роста всех названных смежных дисциплин. }

Гуманитарные же науки, – в той мере, в какой они телеологичны, – направлены на будущее: даже объясняя прошлое, можно думать о том, как выявленные законы скажутся на будущем человека. В конце концов, не явления нуждаются в объяснении (а именно так, по-видимому, считает Ю.Хабермас [J.Habermas 1976, с.186]), а мы нуждаемся в этих объяснениях, причем всегда эти объяснения (направленные, пусть и отдаленно, на будущее) полагаются на ценности, интересы и потребности человека [P.G.Meyer 1983, с.127]. Вот почему, между прочим, явления, в наибольшей степени удовлетворяющие какую-либо нашу потребность, нам иногда хочется сделать или считать по возможности чаще возникающими. А тем самым, объясняя явления, исследователь обладает контролем над предпосылками для этих явлений. Учитывать этот фактор подсознания исследователя – это своеобразное взаимодействие объекта исследования с инструментом наблюдения (а таким инструментом является разум) – необходимо и теоретической лингвистике.

Осознание двух перспектив – на будущее и на прошлое – сказалось в середине 1980-х гг. на соотношении синхронного и диахронического аспектов языка. Это противопоставление теперь, в основном, сбалансированно. Обе крайности – отрицание внеисторического объяснения и наоборот, отрицание внесинхронного объяснения – преодолены в пользу компромиссного

решения. Одни явления современного состояния языка могут получить только историческое объяснение (например, морфологическая метатеза, по [R.D.Janda 1984, с.87]), – что не исключает, тем не менее, их экспликации в синхронных терминах. Другие явления и объясняются, и эксплицируются чисто синхронно. Тематизированное в 1970-е гг. противопоставление синтаксического и семантического видов объяснения (отнесенность явления к ведению либо синтаксиса, либо семантики) к середине 1980-х гг. утратило свою актуальность. Вопрос перешел в другую плоскость: как проявлены структуры ситуаций реального мира, описываемых языком, с одной стороны, и когнитивный аппарат и природа связной речи – дискурса – в ее становлении, с другой [W.Croft 1985, с.39], – так что имеются "структурный" и "семантический" типы объяснения. Таким образом, если теория адекватно соотносит речевое поведение с остальными видами когниции, она может претендовать на объяснительность [B.Darden 1985, с.40], но для этого необходимо еще установить, как соотносены:

- 1) внешние данные, реальность, лежащая в основе объяснения, и
- 2) внешнее подтверждение самого существования выделяемых категорий в языке.

-37- а мо понятие интерпретации гораздо более древнее, чем такое понимание "модели". Так, латинский термин *interpres* 'посредник, негодатор' сам в свою очередь был мотивирован термином *pretium* 'цена, уплачиваемая за что-либо' [M.Hancher 1981, с.277]. Интерпретация как соответствующая процедура была исходным пунктом филологии [W.Dilthey 1900, с.319]. Возвращение же этого термина в языкознание постепенно привело к тому, что теоретическое языкознание и теоретическое литературоведение, когда-то отпочковавшиеся от филологии, заново обрели общий язык. Осознание этого произошло не сразу, но как только это случилось, лингвистический анализ (а теперь уже, скорее, лингвистическая интерпретация) получил новый импульс в своем развитии, обогатившись значительным количеством новых идей.

В теоретическом литературоведении также, по мнению некоторых его представителей, развитие новых концепций связано с выдвижением новых понятий "интерпретация" [S.J.Schmidt 1983, с.71]; интерпретация – "истолкование" текста художественного того или иного произведения – это обычная практика работы литературоведа [S.J.Schmidt 1983]. Со средневековой

-40-

практикой этот вид деятельности роднит то, что задача толкователя состоит в увязывании – "гармонизации" – внешне противоречащих друг другу высказываний одного и того же автора (в средние века такими авторами были отцы церкви) [J.Pinborg 1984], [Г.Г.Майоров 1979].

В то же время "интерпретация" как термин допускает множество таких истолкований, которые могут вдохновить на весьма интересные опыты построения лингвистических теорий {Note 1}.

{Note 1. Так, З.Шмидт [S.J.Schmidt 1983а, с.241-242] различает:

1) интерпретацию как термин обыденной речи, используемый при указании на субъективные способы рассмотрения высказываний и фактов по отношению к тексту, носящему проблематичный характер;

2) интерпретацию как характеристику художественной презентации – аналогичной "музыкальной интерпретации" или "интерпретации симфонии композитора Н. дирижером М.", – и такая разновидность интерпретации обладает субъективностью.

В отличие от первой разновидности (по отношению к которой можно сказать, что "об интерпретациях не спорят"), второй тип в различной степени приемлем, в зависимости от существующих в данную эпоху норм (скажем, норм общепринятой эстетики); тогда исполнение того или иного произведения оценивается по широкой шкале, от "буквального следования автору", через промежуточную ступень "не буквального, но близкого по духу" – к "новаторскому" и "оригинальному" исполнению (вплоть до такой оценки, как "отсебятина"). И только в качестве последнего значения имеем еще:

3) понятие, используемое в лингвистике и в логике, где, по мнению Шмидта, речь идет в таком случае о том, что некоторому символу приписывается область индивидов, формальной системой допускаемых в качестве "интерпретаций" для этого символа.

Названные понимания термина "интерпретация", – соответственно, дескриптивное, объясняющее и оценивающее, – могут быть взяты в своем единстве, и только тогда можно говорить о филологическом или литературоведческом истолковании [S.J.Schmidt 1983а, с.242].}

Такие теории тем более наглядны и живы, что термин "интерпретация" не только многозначен, но и входит в понятийное поле таких слов обыденного языка и терминов логики и лингвистики, как [D.K.Lewis 1981, с.83]: значение, характеристика, понимание, понятие, коннотация, денотация, десигнация, выражение, экстенционал, подведение под категорию или понятие, интенционал, именование, именуемое, референция, репрезентация (представление), смысл, сигнификация, символизация и многие другие (ср. также "Тезаурус" Роже [P.M.Roget 1852] (статья 522), где термин "интерпретация" входит в класс "интеллект", раздел "передача идей", подразделение "природа передаваемых идей").

Этот же термин обладает и разнообразной сочетаемостью: "интерпретация высказывания", "интерпретация языка" и даже "интерпретация (т.е. понимание) чужой жизни".

современной науке о языке, речи и человеке. Такой подход является "партикуляристским", в отличие от "структурного". Структурный подход характеризуется тем, что исследуемые явления (в частности, язык и речь) берутся не столько в своих одноразовых, сиюминутных проявлениях, сколько в "образцах", под которые подходят множества реальных проявлений. Недаром в 1950-1980-х гг., особенно в американской лингвистике, под термином "структура" понимается "способ репрезентации", или представления (скажем, структура НС – запись предложения в терминах НС). Структурная лингвистика в таком американском варианте может быть тогда определена как дисциплина, изучающая предварительно препарированный материал. "Партикуляристская" же лингвистика, по замыслу (но пока еще неясно, насколько это будет реализовано), отказывается от препарирования и основана на переходе (в смысле тагмемики К.Пайка [K.L.Pike 1982]) от "этического" к "эмическому" пониманию явлений (т.е. от предструктурного – непосредственно к научному), в их контекстной обусловленности, т.е., в частности, учитывает как свойства текста, так и личность исследователя {Note 1}.

{Note 1. Этот подход созвучен и понятию интерпретации как филологического истолкования. Он представлен, по [A.L.Becker 1984], у таких различных исследователей, как:

а) Дж.Бейтсон [G.Bateson 1979, с.17], по мнению которого "контекстное формирование – синоним для грамматики";

б) последователи постструктуралистической герменевтики во Франции, в концентрированном виде – П.Рикёр [P.Ricoeur 1981];

в) "поздний Витгенштейн" [L.Wittgenstein 1934/69/74], с его пониманием языка как формы жизни;

г) Р.Уильямс [R.Williams 1977, с.21], который критикует современное литературоведение и языкознание с марксистских позиций и для которого определение языка всегда – имплицитно или эксплицитно – есть определение человеческого существа в реальном мире;

д) последователи и интерпретаторы Хайдеггера, такие, как Э.Грасси [E.Grassi 1980] и Ортега и Гассет [J.Ortega y Gasset 1957, с.242] (последний интерпретирующую лингвистику определял как "новую филологию");

е) К.Гертц [C.Geertz 1983, с.19], призывающий описывать в области общественных наук не "законы и образцы", а "реальные случаи и их интерпретации".}

Итак, понятие "интерпретация" позволяет взглянуть на объект исследования как на развивающийся параллельно своему контексту и частично определяющий этот контекст. Причем каждое высказывание одновременно:

а) недосказанно, поскольку оно сообщает меньше, чем требовалось;

б) избыточно, поскольку говорит больше, чем планировалось [J.Ortega y Gasset 1959].

Как указывалось выше, в математической теории моделей под интерпретацией понимается приписывание символам тех значений (например, символам числовых переменных – их числовых значений, символам пропозициональных переменных – их истинностных значений, типа "истина", "ложь" и т.п.), таким образом, что в результате оказывается возможным вычислить значение целого предложения, или высказывания [M.J.Cresswell 1973, с.18]. В философской логике под интерпретацией языка, для которого построено исчисление, понимается иногда семантическая система, для каждой формулы исчисления определяющая соответствующую пропозицию этого интерпретируемого языка (обратное в таком определении не всегда верно [R.Carnap 1938, с.432]). Более сложно определение Я.Хинтикки [J.Hintikka 1969, с.71], говорящего о функции интерпретации Φ , обладающей следующими свойствами:

а) Φ от индивидуальной константы – это элемент индивидуальной области I (т.е. области объектов, о которых говорит наш язык);

б) Φ от предикатной константы, скажем n -местной, – это некоторое множество кортежей – последовательностей, состоящих из n элементов этой области.

Из последующего изложения станет, как мы надеемся, ясно, что все приведенные определения, а точнее, экспликации, не противоречат друг другу, когда речь идет о лингвистической интерпретации.

Сам вопрос об определении понятия интерпретации может быть – в значительной степени условно – разбит на следующие подвопросы:

1. Какова суть интерпретации? Мы рассматриваем интерпретирование одновременно как процесс и как результирующий объект; предпосылкой для интерпретации является трактовка объекта рассмотрения (предмета интерпретации) как знака.

2. Для чего требуется интерпретировать что-либо?

3. Что подвергается интерпретации, каковы требования, которым должен отвечать объект интерпретации, и как предыстория этого объекта сказывается на интерпретации?

4. Что получается в результате интерпретации: мир образов, разрозненные образы (называемые значениями и смыслами), нечто вроде "пропозиций", формулируемых в виде "интерпретирующих высказываний", – или что-либо иное?

5. С помощью чего получают интерпретации, каковы "инструменты" этого?

6. Каков путь интерпретации (его стадии)?

7. Каковы характеристики личности интерпретатора: насколько и каким образом интерпретация связана с намерениями людей (ведь

намерения и сами могут быть мишенью интерпретации), насколько интерпретация осознается субъектом, – и как межличностные отношения влияют на процесс интерпретирования?

Причем подвопрос (4) включает в себя, помимо прочего, и следующие дальнейшие проблемы: компоненты интерпретации-объекта, виды интерпретации (в частности, оценивающие и "объективные"), стили интерпретирования и степень "надежности" и адекватности интерпретации.

констатации сущности интерпретации как триединства: это установка по отношению к объекту интерпретации как к знаку (презумпция интерпретируемости), интерпретация как процесс и интерпретация как результат.

«Как научная деятельность интерпретация обычно понимается в качестве процесса осмысления результатов обработки и организации фактов и наблюдений в единую систему: «...создавая интерпретационное построение, исследователь выходит за рамки формальной организации данных, чтобы **объяснить** их значение» [Гарден 1979, с.151].

В частности, в филологии можно выделить по меньшей мере два аспекта научной интерпретации: 1) обоснование выбора метода в широком смысле и 2) решение задач по конкретному истолкованию {Note 1}.

{Note 1. Первый аспект можно связать с ответом на следующие вопросы [S.J.Schmidt 1981, с.323]:

- а) почему необходимо рассмотреть именно данное произведение;
- б) в чем должна состоять данная интерпретация;
- в) какой, собственно, метод интерпретации следует выбрать;
- г) как обосновывается выбор тех, а не других решений по ходу интерпретации, т.е. как выглядит доказательство валидности интерпретации на межсубъектном уровне (в качестве аргументов здесь могут фигурировать такие данные, как неоспоримые свидетельства очевидцев, дневники и воспоминания, сам текст – то, что употреблен данный, а не другой из множества возможных оборотов, и т.п.);
- д) какие задачи решает, в конечном итоге, данная интерпретация.

Второй аспект – собственно истолкование литературного (или любого иного) произведения – иногда также представляют как сложный комплекс задач [N.Groeben 1983, с.233]:

а) идентификация межиндивидной "широты восприятия" (т.е. аудитории, реально прочитавшей данный текст, воспринявшей или отвергшей его, – иначе говоря, синхронная и диахронная характеристика рецепции текста);

б) разработка связных (и далее не редуцируемых) вариантов значений, при атрибуции тех групп читателей, для которых эти значения, действительно, непротиворечивы;

в) установление тех единиц и свойств, с которыми связаны неоднозначные реакции аудитории (т.е. по которым читательские мнения разделились);

г) установление тех единиц и свойств текста, которые способствовали единодушной реакции читателей.

Разумеется, этот список неполон.}

А вот в качестве одного из видов деятельности лингвиста интерпретация языковых данных (как научная операция) иногда характеризуется как "выяснение художественного содержания языковых средств и единиц, выделенных в результате эксперимента. Установление функций таких единиц во внутреннем мире и в образе мыслей носителя языка. Установление такой системы или систематической тенденции, в которой группа таких единиц получает взаимное определение и разграничения" [H.Glinz 1958, с.844].

Итак, цель интерпретирования – как научного, так и при простом восприятии речи в обыденной жизни, – в восстановлении утраченной и/или в поддержании имеющейся гармонии внутреннего мира интерпретатора, – а в частности, в получении целостного объекта (результата интерпретации) и устранении того, что иногда называют "когнитивным диссонансом" (о последнем понятии см. [Фестингер 1984]).

2.5.5. Организация знаний: внутренняя форма как поисковый образ знания

Стратегии действенны потому, что не опираются на "адреса хранимой информации", а используют адреса, вычисляемые по ходу интерпретации.

Наш тезис состоит в том, что каждая единица языка – слово (лексема), словосочетание, предложение или иная более или менее крупная часть текста – обладает во внутреннем тезаурусе носителя языка внутренним представлением, позволяющим вычислить такие адреса. Если провести разграничение "уровней" единиц языка по возрастанию, то можно предположить, что поисковый образ единицы произвольного уровня N – в плане выражения, как единица инвентаря – вычисляется через адреса непосредственно предшествующего уровня N-1.

Так, морфемы кодируются в терминах фонем, слова – в терминах морфем, словосочетания – в терминах слов, речения в виде предложений – в терминах словосочетаний (или "фразовых единиц – непосредственно составляющих"). Наконец, тексты кодируются в терминах предложений (возможно, с промежуточными уровнями, типа абзаца).

Более того: поисковый образ единицы языка является исходной точкой для получения конструкционного значения целого (т.е. значения без идиоматики), по которому потом находится речевое значение.

А именно, поисковый образ слова представим как цепочка морфов, исходя только из которой не всегда возможно узнать обо всех реальных лексических значениях данной единицы – лексемы. Этот поисковый образ позволяет только установить наличие единицы в словаре. Все множество реальных значений, – если оно отклоняется от набора "буквальных", или конструкционных, значений слова, взятого как цепочка составляющих его морфов, – есть результат того, что можно назвать прагматической интерпретацией. Последняя охватывает все уровни языковых единиц, – начиная от морфного (когда цепочке фонем приписывается набор значений,

обычно не вытекающий из наличия или отсутствия в этой цепочке тех или иных фонем: ведь морфы обладают наименее мотивированным значением, именно в этом звене язык наиболее произволен) и кончая текстовым.

В установлении чисто конструкционного значения единицы на уровне N участвуют знания о семантической интерпретации, оперирующие информацией о значении единиц уровня N-1. Таким образом, набор семантических

-88-

знаний, оперирующих на уровне морфем, обычно пуст (если исключить правила интерпретации звукоподражаний). На уровне же слова семантические знания учитывают способ соположения морфов в слове (точнее, в поисковом образе этого слова) и значения, хранимые для каждого морфа.

Только в результате вмешательства прагматики из конструкционного значения (семантической интерпретации) получается набор лексических значений, дающих основания для прагматической интерпретации в реальном контексте. Однако это не означает, что исходным пунктом для использования прагматических знаний является полное конструкционное значение слова: работа синтаксических знаний (идентифицирующих на уровне N в данной единице набор единиц уровня N-1) переплетена с взаимодействием семантических и прагматических знаний, а вся процедура интерпретации выглядит как выдвижение и верификация гипотез о значении целого, параллельно сканированию выражения, начиная с самых первых его элементов и двигаясь "слева направо". Этот процесс интерпретирования связан с предвосхищением и с отклонением посторонних гипотез, по мере продвижения по объектному выражению.

Между "поисковым образом слова" и "внутренней формой слова" (в одном из важных пониманий этого термина) можно поставить знак равенства. Этим мы не пытаемся утверждать, будто именно "поисковый образ" и имелся в виду теми, кто выдвинул понятие внутренней формы: мы хотим только сказать, что то многообразие смыслов, которое вкладывали в понятие внутренней формы представители классического периода языкознания, позволяет наполнить понятие поискового образа и лексической репрезентации весьма продуктивным содержанием.

Экскурс 2. Концепции внутренней формы (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и А. Марти)

Термин "внутренняя форма", как показал В.Леопольд [W.F.Leopold 1929, с.254], приобрел популярность благодаря работам В. фон Гумбольдта (см. также [O.Funke 1924]), но само понятие обладает более долгой историей. Так, уже Шафтсбери говорил о "внутринаправленной (inward) форме" произведений искусства, а к языку это понятие применял еще Джеймс Харрис. Труды последнего были хорошо известны Гаманну и Гердеру, от которых соответствующие идеи – в переработанном и кристаллизованном

виде – и перешли к Гумбольдту. Однако понятие внутренней формы трактуется философами языка очень по-разному: "внутренняя форма" – термин-хамелеон, приобретающий новые оттенки в рамках различных целостных концепций, однако не теряющий общей мысли, общего замысла идеи во всех своих трактовках.

У Гумбольдта внутреннее обозначение слов обладает атрибутами двоякого характера: "А именно – к самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением. Но оба эти элемента лежат в совершенно различных сферах. Обозначение понятия относится к области все более объективной практики языкового сознания. Перевод понятия в определенную категорию мышления есть новый акт языкового самосознания, посредством которого единичный случай, индивидуальное слово, соотносится со всей совокупностью возможных случаев в языке или речи. Только посредством этой операции, осуществляемой в самых чистых и глубоких сферах и тесно связанной с самой сущностью языка, в последнем реализуется с надлежащей степенью синтеза и упорядочения связь его самостоятельной деятельности, обусловленной мышлением, и деятельности, обусловленной исключительно восприимчивостью и более связанной с внешними впечатлениями. Разные языки, естественно, в различной степени осуществляют такую категоризацию понятий, поскольку ни один язык в своем внутреннем строе не может пройти мимо нее. Но и в тех языках, которые находят способы его внешнего выражения, неодинаковыми оказываются глубина и активность действительного восхождения к первоначальным категориям мышления и

-92-

придания последним значимости в их взаимосвязи. Ибо эти категории в свою очередь сами по себе образуют взаимозависимое целое, систематическая завершенность которого в большей или меньшей мере пронизывает все языки" [Гумбольдт 1984, с.118-119].

Эти высказывания, учитывая все сказанное выше, мы бы проинтерпретировали следующим образом. Для того, чтобы единица языка внедрилась (в рамках каждого единичного акта речи) в саму речь и в сознание (в частности, в контекст предложения), необходима еще работа определенных компонентов речевого механизма, "переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи". В результате "полный смысл слова" (или то, что в средневековой логике называлось его суппозицией – т.е. значение данного экземпляра единицы языка в речевом контексте, взятое именно сейчас, именно в данном месте и именно данным интерпретатором) определяется одновременно понятийным выражением (т.е. местом плана содержания этой единицы в смысловых парадигмах, выходящих далеко за рамки отношений между единицами языка и находящихся скорее в

пространстве мышления вообще) и контекстом речи в ее сиюминутности. Все это, а также последующие высказывания Гумбольдта подсказывают мысль о прагматике как о том, что выводит речевую деятельность за пределы языковой системы, дополняя семантику за счет привнесения неконструкционных смыслов, т.е. тех, которые не вытекают из простого соположения единиц.

В этой связи уместным будет напомнить следующий комментарий В.А.Звегинцева [Звегинцев 1973, с.201]: "...используя понятие внутренней формы со всеми ее оговорками всего лишь в метафорическом смысле, мы можем сказать, что изменение языка при переходе из одной "эпохи" в другую прежде всего состоит в изменении внутренней формы. Эта метафорическая внутренняя форма образуется пересечением абсолютно реальных координат, отображающих научные, культурно-исторические и идеологические представления своего времени. Внутренняя форма потому и определяется с таким трудом, что komponуется из такого количества сложных по своей природе координат, но именно их совокупность создает ту общую "точку зрения", с которой каждая "эпоха" смотрит на современные ей события и факты, на прошлое и, конечно, на будущее" {Note 1}.

{Note 1. Именно на этом предположении и основаны идеи "культурной реконструкции", "культурной палеонтологии", когда исследователи (вслед за Л.Шпитцером) пытались "...выявить внутреннюю форму или "точку зрения" языков по тем их проявлениям, которые пробивают свою дорогу в массе языкового материала" [Звегинцев 1973, с.203].}

-93-

Развивал гумбольдтовский взгляд на понятие внутренней формы и Г.Штейнталь, внутреннюю форму противопоставлявший логической форме мыслей: "Грамматисты, идентифицирующие мышление и говорение, неизбежно смешивали эти две формы. На этом смешении покоится категориальная схема нашей грамматики, восходящая в своих основных чертах еще к стоикам... А именно, одновременно утверждалось, что эти категории грамматики во всех языках одни и те же, – вот почему философская грамматика охватывает все языки, выражая сущность их... Однако понятие внутренней формы, противопоставленной логической форме, полностью разрушает логическое здание философской грамматики и делает возможным классификацию в соответствии с внутренними категориями" [H.Steinthal 1851, с.22-23].

Наиболее близко по духу теории интерпретации истолкование понятия внутренней формы А.А.Потебней. Великий русский ученый в своей работе "Мысль и язык" писал: "Не трудно вывести из разбора слов какого бы то ни было языка, что слово, собственно, выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак (...). Образ стола может иметь много признаков, но слово *стол* значит только посланное (корень *стл*, тот же, что в глаголе *стлать*), и поэтому оно может одинаково обозначать

всякие столы, независимо от их формы, величины, материала. Под словом *окно* мы разумеем обыкновенную раму со стеклами, тогда как, судя по сходству его со словом *око*, оно значит то, куда смотрят или куда проходит свет, и не заключает в себе никакого намека не только на раму и проч., но даже на понятие отверстия. В слове есть, следовательно, два содержания: одно, которое мы выше называли объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова (это наше конструктивное значение. – В.Д.), всегда заключает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе" [Потебня 1862, с.114]. И здесь, и далее ставится знак равенства между этимологическим значением и значением внутренней формы слова. Можно выделить следующие черты данного понятия у Потебни.

1. "Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные" [Потебня 1862, с.114]. Иначе говоря, внутренняя форма – представление мысли.

-94-

2. Внутренняя форма не только дает "объективное" значение слова, но еще и используется для описания исторических семантических переходов: "В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутреннею формою последующего. Например, слово *язвить*, принимаемое в переносном смысле, значит собственно наносить язвы, раны..." [Потебня 1862, с.115]. Если взять историю слова во всех таких микропереходах, то незаметным станет синхронное отношение мотивации (как того, что уместно подавать в рамках толкового, не исторического, словаря данного языка) и этимона. В этом, на наш взгляд, одно из наименее защищенных на сегодняшний день мест концепций чистой, внеисторической словообразовательной мотивации; последнее понятие либо должно быть распространено на весь исторический отрезок развития лексики (и тогда станут неразличимыми словообразовательный анализ и история слова), – либо же придется сделать понятие мотивации более формальным, но зато и менее емким. Например, определить его так; "Лексическая единица А мотивирует значение лексической единицы В в данном конкретном словаре С – значит, по определению, что в лексической статье для В в зоне экспликации (т.е. не в зоне примеров, указания синонимов и антонимов, грамматических помет и т.п.) имеется хотя бы одно вхождение единицы А с явным указанием преемственности смысла" (таким образом, не являются мотивирующими лексемы, случайно встречающиеся в текстах словарных статей). И тогда

понятие мотивации следует признать привязанным к конкретному словарю, причем не к абстрактному (словарь данного языка у всех его носителей), а к авторскому.

3. Внутренняя форма – центр, ядро образа: "В самом кругу изолированного образа при новых восприятиях одни черты выступают ярче от частого повторения, другие остаются в тени. При слове *золото* нам приходит на мысль цвет, а вес, звук могут вовсе не прийти, потому что не всякий раз при виде золота мы взвешиваем его и слышим его звук. Образование такого же центра в изолированном кругу восприятий мы можем предположить и до языка" [Потебня 1862, с.146]. И далее: "Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными" [Потебня 1862, с.146], "Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперципировать свои восприятия. Внутренняя форма кроме фактического единства образа дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление" [Потебня 1862, с.147].

-95-

Иначе говоря, внутренняя форма – действительно, поисковый образ языковой единицы, а не образ предмета, этой единицей обозначаемого. И в силу этого, отношение между внутренней формой и "мотивирующим понятием" становится еще более отдаленным.

Со всем сказанным можно поэтому связать и трудности в выборе между этимологическим анализом как основой морфологического членения слова, с одной стороны, и чисто синхронным словообразовательным анализом (см. [В.В.Лопатин 1977], [И.Г.Милославский 1980]). Интересные замечания находим на этот счет все в той же работе А.А.Потебни: "...не безразличны для мысли первоначальное свойство и степень забвения внутренней формы слова. Наука в своем теперешнем виде не могла бы существовать, если бы, например, оставившие ясный след в языке сравнения душевных движений с огнем, водою, воздухом, всего человека с растением и т.д. не получили для нас смысла только риторических украшений или не забылись совсем; но тем не менее она развилась из мифов, образованных посредством слова. Самый миф сходен с наукою в том, что и он произведен стремлением к объективному познанию мира" [Потебня 1862, с.171]. А это значит, что если попытаться представить "мотивирующее" слово ближе к внутренней форме, то в рамках словаря придется признать действующими не логические отношения и даже не отношения "естественной логики", а "логику мифа". Близок такой стиль объяснения (типа: "А называлось так потому, что в древности люди считали, что В являлось причиной/следствием/сопутствующим обстоятельством для С") именно к историческому, но не к синхронному толковому словарю. Так не будет ли разумным за синхронными словарями оставить принципы естественной логики и просто логики, а отношения лексической деривации полностью

отдать в ведение исторического рассмотрения (куда – на правах частного случая – попадут и процессы словопроизводства, наблюдаемые на наших глазах)?

4. Участие в противопоставлении по оси "обыденность – поэтичность": "Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова. Если это сравнение верно, то вопрос об изменении внутренней формы слова окажется тождественным с вопросом об отношении языка к поэзии и прозе, т.е. литературной форме вообще" [Потебня 1862, с.174]. Этот момент связан с предыдущим: "Внутренняя форма в самую минуту своего рождения изменяет и звук и чувственный образ" [Потебня 1862, с.180]: ведь как только мы констатируем нарушение обычной логики в семантических переходах, – мы должны (чтобы действительно

-96-

понять "мифологическую логику") проникнуться поэзией, увидеть наглядно связь двух вещей, на первый взгляд между собой не связанных.

5. Внутренняя форма регулирует процесс понимания: "внутренняя форма слова, произнесенная говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в ней значений, не назначая пределов его пониманию слова {Note 1}. Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимания другого" [Потебня 1862, с.180].

{Note 1. В наших терминах: внутренняя форма слова представляет собой исходную точку для прагматического и семантического осмысления речи; прагматика же насквозь субъективна, индивидуальна, варьируясь от человека к человеку.}

6. Внутренняя форма регулирует и осмысление, и построение речи. Воспринимая речь, слушающий (и говорящий, интерпретирующий свои же слова) далеко не всегда видит только окончательный смысл текста. Хотя общая и наиболее прототипическая направленность интерпретатора состоит в том, чтобы установить, что же ему хотели сказать, т.е. установить содержание речи, – тем не менее, его мысленный взор может задержаться и на самой форме речи. Иначе не было бы и поэзии.

Затрагивает этот взгляд и внутреннюю форму. Последняя поэтому – не просто вспомогательный образ, но зачастую и активный участник переосмысления обыденного: "В нашей народной поэзии есть еще довольно таких простейших эпических формул, которые состоят только из двух слов. Упуская из виду различия этих формул, происходящие от синтаксического значения их членов ("мир – народ", "красна девица", "косу чесать", "плакать – рыдать" и проч.), заметим только, что цель этих выражений –

восстановление для сознания внутренней формы – достигается в них в разной мере и разными средствами. Ближайшее сродство между наглядными значениями обоих слов – в таких выражениях, как *косу чесать*, где оба слова относятся к одному корню. Отличие от полной тавтологии (например, *дело делать*) здесь только в том, что звуковое сродство несколько затерялось. Такие постоянные выражения, как *черна хмара, ясная зоря, червона калина*, уже не могут быть названы вполне тавтологическими" [Потебня 1862, с.198]. И далее: "Во многих из подобных выражений особенно ясно видно, что народ при создании их руководился не свойствами новых

-97-

восприятий, а именно бессознательным стремлением возобновить забытую внутреннюю форму слова. Например, постоянный эпитет *берег крутой*; хотя множество наблюдений могло убедить, что берег не всегда крут, что сплошь и рядом, если один берег крутой, то другой низкий, но эпитет остается, потому что слово *берег* имело и у нас в старину, как теперь *бријег* у сербов, значение горы и находится в несомненном сродстве с немецким *Berg* [Потебня 1862, с.199]. Иначе говоря, необычная сочетаемость может навести на гипотезу об этимологическом сродстве слов или понятий.

7. Внутренняя форма направляет развитие мысли. И в художественной литературе, и в науке (особенно в философии языка) восстановление внутренней формы часто стимулирует новые решения. Действительно: "...восстановление внутренней формы есть не безразличная для развития починка старого, а создание новых явлений, свидетельствующее об успехах мысли. Новый акт творчества прибавляет к своим историческим посылкам нечто такое, что в них не заключалось. Изменяется не только содержание сравнения, но и напряженность сравнивающей силы, обнимая в единстве сознания отношения листа, шума, слова и разума, человек делает больше и лучше, чем переходя только от шума к листу" [Потебня 1862, с.201]. Поэтому можем заключить, что поиски внутренней формы не только сопровождают любой акт восприятия речи, но и являются предпосылкой для создания нового, для творчества. Обращение к внутренней форме даже у людей, далеких от этимологических занятий, возможно не только на осознанном уровне, но и бессознательно. Особенно ярко видно это, когда слово уже не содержит видимых указаний на свою внутреннюю форму: "Важность забвения внутренней формы – в положительной стороне этого явления, с которой оно есть усложнение или, как говорит Лацарус, сгущение мысли. Самое появление внутренней формы, самая апперцепция в слове сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением, расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам" [Потебня 1862, с.210-211].

Видимо, продолжая именно эту мысль А.А.Потебни, Д.Н.Овсяннико-Куликовский различал слова с внутренней формой и без нее: "Слова, в

которых ясен признак, взятый для обозначения целого, называются словами с внутренней формой, а те, в которых этот признак забыт, суть слова без внутренней формы. Сама же внутренняя форма, названная так в противоположность внешней, звуковой, определяется так: она есть отношение данного признака (например, прозябание под снегом в "подснежнике", измерение времени в "месяце") к лексическому

-98-

значению слова (к понятию об известном цветке, о луне)" [Овсяннико-Куликовский 1902, с.41]. А в примечании автор говорит: "Слова с "внутренней формой" являются словами образными, и мы, по праву, можем назвать их "художественными", "поэтическими". Напротив, слова без "внутренней формы" лишены образности, – мы их называем "прозаическими" [Овсяннико-Куликовский 1902, с.41]. Итак, Овсяннико-Куликовский лишил внутренней формы слова, конструкционная семантика которых совпадает с лексическим значением. Нам кажется, что внутренняя форма (в смысле А.А.Потебни) имеется и у таких слов. Здесь мы скорее согласимся с К.Фосслером, писавшим: "Внутренняя форма языка – это тот храм, в котором освящается каждая внешняя языковая общность. Без этого благословения нигде и никогда не возникало бы языкового сосуществования" [K.Vossler 1925, с.209].

Можно спорить о том, идентичны ли внутренняя форма и "лингвистические чувства" (об этом говорит Волошинов [Волошинов 1929, с.62 и сл.] ; представляется, что это разные понятия). Важно следующее: внутренняя форма – это поисковый образ языковой единицы в системе языка. А без поискового образа невозможен поиск.

Изложенный взгляд органично дополняется той характеристикой понятия внутренней формы, которую давал А.Марти. Его положения можно сформулировать следующим образом.

1. Внутренняя форма – "посредующее звено". Моделью для понятия внутренней формы у Гумбольдта были метафоры и метонимии. Внутренней формой следует поэтому называть "некоторое представление, которое служит в качестве связующего звена ассоциации между внешне воспринимаемым знаком и его значением (то есть психическим содержанием, которое должно вызываться этим знаком в адресате). Форма выражения, обладающая этимологией, или внутренней формой, пробуждает, таким образом, прежде всего определенные представления, не обязательно имевшиеся в виду говорящим; эти представления предназначены для вызова в слушающем духовного содержания (представлений, суждений, чувств и т.д.), на которые в действительности и был нацелен говорящий. (...) Внутренняя форма, таким образом, является дополнительным представлением, ни в коем случае не принадлежащим к значению" [A.Marty 1884-95, с.66-68].

Итак, этимон – это одно из посредующих звеньев между звуком и значением, это "средство для достижения понимания, некоторое вспомогательное представление" [А.Марты 1884-95, с.217]. И это вполне укладывается в нашу схему, уточняя ее: внутренняя форма – это синтаксическая интерпретация слова, посредующее звено при поиске языковых единиц

-99-

(например, лексем в словаре), оно не исчерпывает (в общем случае) инвентарного, языкового значения, да и вообще внутренняя форма и конструкционное значение, основанное на ней, – разные вещи.

2. Это связующее звено само может приобрести статус значения. Так, в более поздней работе А.Марти внутренняя форма уподобляется непрямому определению понятия [А.Марты 1893, с.78]: как и такое не прямое определение, она непрямым образом указывает значение определяемого имени, прежде всего пробуждая вспомогательные представления, таким образом, что весь процесс постижения значения слова можно сопоставить с разгадыванием загадки. Но в отличие от загадки установление значения через внутреннюю форму, по Марти [А.Марты 1893], тем удачнее, чем легче происходит отгадывание – в то время как истинные любители предпочитают трудные загадки. Впрочем, внутренняя форма настолько сродни значению, что иногда то, что является внутренней формой данного знака в одних случаях, становится – по замыслу говорящего (скажем, в поэзии) – истинным его значением в других, и наоборот. На наш взгляд, общее у внутренней формы и у значения то, что и та, и другое являются видами интерпретации: первая – синтаксической, второе – семантической и прагматической.

3. Внутренняя форма получается (синхронно!) в результате определенных операций. Внутренняя форма – результат внутреннего опыта [А.Марты 1904, с.92]. Различаются фигуральная и конструкционная разновидности внутренней формы.

Фигуральная внутренняя форма требует, выражаясь огрубленно, сравнительно большого количества имплицативных переходов от буквального значения к переносному; например, интерпретируя смысл выражения *отложить свои дела в сторону*, мы должны осознать, что это значит: затруднить себе непосредственный доступ к своим занятиям, – а тем самым усложнить непосредственный возврат к этим занятиям. Все такие импликации совершаются в рамках внутреннего мира человека. А картина этого мира может быть и неустойчивой, – отсюда все своеобразие фигуральной внутренней формы; выделяются два класса ее: а) сходство, или аналогия и б) отношения смежности. Отсюда выводимы, по Марти, все не прямые значения языковых выражений.

Конструкционная же внутренняя форма – та, которая основана не только на значении составных частей выражения, но и на методе их соположения, на конструкции в целом, на взаимоотношении частей в рамках

этой конструкции [А.Марты 1904, с.97]. Для нас существенно следующее положение: "Пусть слово не в состоянии все сказать разом, все

-100-

то, что имеют в виду, употребляя последовательность слов; но уже сами эти идущие друг за другом части предложения вызывают определенные представления и ожидания в отношении целого значения, и через посредство этих предварительных ожиданий (предвосхищений), если можно так выразиться, достигается и опосредуется понимание" [А.Марты 1904]. Конструкционные внутренние формы весьма варьируются от языка к языку и от стиля к стилю; они тоже – как и фигуральные – обладают элементами, не обязательно принадлежащими непосредственно значению выражения. Именно удачностью или неудачей в использовании конструкционных внутренних форм и объяснимы удачи и промахи стиля, всяческие колебания в речи, ясность и понятность речи. Так, ясный стиль – тот, при котором конструкционные внутренние формы максимально приближены к значению высказывания в целом, т.е. тот случай, когда "дистанция пробега" между внутренней формой и суппозицией минимальна. Чем удачнее стиль, тем меньше самому говорящему (интерпретирующему свою речь параллельно ее продуцированию) приходится прибегать к добавлениям и исправлениям, иногда полностью уродующим все здание речи. Отсюда – и прямой выход к риторическим приемам, находящимся в последние десятилетия вновь в центре внимания философов языка. Использование фигуральных внутренних форм нацелено на достижение наиболее наглядного понимания [А.Марты 1908, с.16], а использование конструкционной внутренней формы – на структурирование частей высказывания, на наиболее легкий и эффективный информационный поиск.

Итак, концепции А.А.Потебни и А.Марти в своей совокупности покрывают многие другие подходы к понятию внутренней формы. Здесь мы находим сочетание исторического и синхронного в каждом речевом акте и в понимании, несомненной становится и относительность синхронии и диахронии вообще. Очень гибкой представляется в этой связи формулировка А.И.Смирницкого: "...значение слова может иметь сложный состав и определенное строение, не являющиеся или являющиеся не полностью и не в точности моментами смыслового значения слова, т.е. моментами выражаемого словом теоретического и практического понятия. В значениях отдельных морфем слов могут находить отражение те или иные признаки и стороны предмета или явления, обозначаемого данным словом в целом, но не обязательно это будут существенные его признаки и важные его стороны. Иногда же дело может обстоять и так, что значение отдельной морфемы в

составе слова оказывается лишь очень отдаленно и косвенно связанным с общей лексической

-101-

его семантикой, не способствующим его раскрытию или даже более или менее препятствующим этому. (...) Семантическое образование слова (которое также называют внутренней формой слова) может иногда долго сохраняться в языке в данном своем виде – даже и тогда, когда оно существенно расходится с самим смыслом слова, будучи понимаемо как некоторая условность" [А.И.Смирницкий 1956, с.155]. В сегодняшней словообразовательной семантике мы находим прекрасные примеры подтверждения этой мысли (см. [Кубрякова 1981]).

2.6.2. Реинтерпретация и переосмысление

В обыденной речи под переосмыслением понимают тот случай, когда под давлением различных обстоятельств интерпретатор отказывается от одного взгляда на смысл речи и решает для себя, что будет дальше по-иному истолковывать эту же речь, с возможными неприятными для себя и для остальных последствиями: отказ от прежних оценок, от сделанных уже выводов, от планов, ожиданий и т.д. бывает очень драматичным и сродни экономическому краху. Термин *смысл* вполне укладывается в такое представление о переосмыслении, когда отказываются не только от языкового значения (и даже часто не столько от него) и не просто от речевого значения (от актуализации языкового значения в речи), но именно от сиюминутной реализации речевого значения, в его ситуативной привязанности к конкретным собеседникам.

Реинтерпретация в той степени недраматична, безобидна, в какой совместима [L.Apostel 1980, с.238] с предшествующими речевыми реакциями интерпретатора: после длительного поддакивания последний может свое недоумение (а это внутренний индикатор того, что следует переосмыслить сказанное раньше) выразить мимикой, восклицанием (*Подождите, а разве вы не сказали, что...*) и т.п. Наименее же осознается реинтерпретация, когда не подтверждается какое-либо ожидание локального характера или когда ожидают с ненамного большей вероятностью, что далее будет сказано одно, а не другое (когда сопоставительная оценка вероятности не подтверждается). В последних случаях говорить о "переосмыслении", в обыденном понимании этого слова, трудно. Поэтому примем термин "реинтерпретация" как наиболее общий, а "переосмысление" как частный, случай "глобального реинтерпретирования" (в отличие от локального).

Промежуточное положение между локальным и глобальным реинтерпретированием занимает реакция на высказывание, оцениваемое (после того как понято) как неинформативное [K.Mudersbach 1984, с.238]. Если высказывание содержит неинформативную часть – в силу противоречия, избыточности или тавтологии, – интерпретатор, стремясь к

максимальному использованию сказанного, может задаться вопросом: "А не таится ли за этим какой-либо скрытый замысел? Не намек ли это?" Например, предложения, начинающиеся предикатами знания, типа *Я полагаю, что..., Мне кажется, ...* и т.д., сначала воспринятые как избыточные, могут далее переосмыслиться так: "А ведь действительно, эту информацию мне подали как не абсолютно достоверную; может быть,

-105-

хотят, чтобы я привел доводы против?" И чем раньше наступает такое просветление, тем менее драматична реинтерпретация.

Мы предполагаем, что главными объектами реинтерпретации являются ожидания: как частный случай интерпретации, "реинтерпретация" имеет гораздо более узкий диапазон действия.

2.7.1. Межличностность и эмпатия при интерпретации

Межличностность заложена в самом термине "интерпретация", в его этимологии (см. выше). Да и содержательно нельзя было бы говорить об интерпретации "в безвоздушном пространстве": интерпретация всегда межличностна и межситуативна [A.Næss 1949]. Ведь интерпретатор не придумывает произвольные толкования, а ориентируется на автора речи [U.Eco 1979, с.51].

Однако связь "автор – интерпретатор" не исчерпывает всех возможностей межсубъектности; другой класс возможностей образуют связи типа "интерпретатор – интерпретатор", а именно, то единообразие, с которым различные индивиды интерпретируют одни и те же высказывания. Чем же объяснимо такое единообразие? Во-первых, тем, что интерпретируются одни и те же объекты: сходство интерпретаций, следовательно, является одним из оснований для заключения о реальном существовании объекта интерпретации. И наоборот, единство материального мира гарантирует нашу способность понимать друг друга. Во-вторых, единообразием в устройстве и механизме духовных инструментов. А именно, среди таких инструментов мы выделили три группы: глобальные знания, локальные знания и стратегии интерпретации. Первые варьируются от индивида к индивиду по своему объему и составу; однако – и в этом состоит гипотеза, лежащая в основе большинства

-112-

систем "искусственного интеллекта", – все эти знания могут быть заданы как набор "несомненных истин", которых придерживаются члены данного языкового коллектива. Такая гипотеза может быть подтверждена или опровергнута только нелингвистическими методами. Локальные знания еще более индивидуальны и связаны могут быть с сиюминутным опытом конкретного человека; усмотреть в них причину единообразия интерпретации труднее, разве что относя к ним восприятие контекста, ситуации интерпретации одновременно несколькими интерпретаторами (и тогда контекст становится тем, что было бы удачнее назвать "объектом

интерпретации", – а следовательно, мы вернулись к первой из названных причин).

Остаются теперь стратегии интерпретации. Очень правдоподобной представляется следующая гипотеза С.Фиша [S.Fish 1976a]: именно интерпретационные стратегии являются причиной сходств и расхождений интерпретаций у различных людей (см. также [M.Cooper 1981, с.2]).

Мы считаем, что близость интерпретации у различных индивидов по поводу одного и того же высказывания в одном и том же контексте объяснима, помимо общности самого объекта интерпретации, в первую очередь, единством интерпретационных стратегий (возможно, составляющих универсальную базу человека как вида) и, во вторую очередь, частичными совпадениями баз знаний. Эти два фактора объединимы под общим названием "единство опыта интерпретации". А поскольку, при всей общности, каждый индивид обладает конкретным в своей неповторимости сознанием, интерпретация одних и тех же высказываний разными людьми может быть охарактеризована, в терминах У.Куайна [Quine 1968a, с.152], как "радикальный перевод". Не последнюю роль играет при этом само отнесение индивида к той или иной социальной группе: различны даже в остальном одинаковые интерпретации разных лиц, выполняющих различные роли в конкретных актах общения (ср. [V.Bernstein 1971, с.202]).

От такого самоотнесения зависит принятие точки зрения на интерпретацию. Ведь интерпретатор может взглянуть на вещи глазами автора, только если на какое-то время он способен симпатизировать автору (о психологической стороне этого см. [Бодалев 1983]). Симпатия и эмпатия (взгляд на вещи чужими глазами) – разные вещи. Но межиндивидность интерпретации возможна и проявлена как глубинная симпатия, пусть на миг, к другому человеку. Чтобы понять, необходимо забыть неприязнь, если она до этого была. Понимание сродни любви.

Представитель герменевтического направления в общественных науках Х.-Г.Зеффнер [H.-G.Soeffner 1982, с.14-15] говорит о научной интерпретации

-113-

как о способе взглянуть на вещи, опирающемся не на эмпатию к реальному или мысленно представляемому партнеру (как имело бы место в случае обыденного понимания), а на отвлеченность от субъективности, оперирующую скорее объективно возможными и реализуемыми значениями текста, на нейтральность перспективы. Мы бы скорее предостерегли от прямолинейного следования этому совету. Такой рецепт продиктован неизученностью межличностных свойств интерпретации. "Нейтральность перспективы" – это фикция. Задача, скорее, состоит в том, чтобы определить возможные искажения, к которым может привести интерпретатора та или иная степень эмпатии или антиэмпатии по отношению к той или иной личности. Зеффнер на интерпретацию смотрит так: это переход от единичного (в наших терминах – от экземпляра) к общему в рамках интерсубъективной перспективы, возможно, ценой утраты всего остального

[H.-G.Soeffner 1982, с.22-23]. И тогда в рамках филологического исследования доказательность – в установлении межсубъективности конкретных способов интерпретации данного объекта (ср. [S.J.Schmidt 1981, с.323]). Интерпретация как достижение гармонии в межличностной плоскости, как то, что объединяет наши взгляды, вписывается и в концепцию Зеффнера.

2.7.2. Интенциональность интерпретации

Намерение в анализе понятия "интерпретация" фигурирует в двояком отношении: как то, что более или менее удачно распознается в речах и действиях, и как то, что регулирует действия интерпретатора.

Первое из этих двух отношений наиболее часто считают основной мишенью интерпретации: интерпретация проникает даже за неудачные высказывания, извлекая из них "объективные намерения говорящего" [D.Kaplan 1978, с.233 и сл.] . Когда такие намерения ясны заранее, интерпретатор готов простить огрехи говорящего и отвлечься от буквального значения речи [Tannen, Öztek 1977, с.516]. Склонен же интерпретатор судить о намерениях автора, опираясь и на высказывания, и на предшествующий опыт общения с ним: опыт показывает, насколько этот автор способен адекватно выразить свои намерения [Gumperz, Kaltman 1980, с.53]. Интерпретатор выбирает нужные стратегии интерпретации в зависимости от того, насколько легко извлекаемыми ему кажутся истинные и фальшивые мотивы речи: такие стратегии, позволяющие приписать тексту интенциональность [S.Fish 1976a], являются как бы "контрнамерениями", а

-114-

реакцию между стратегиями и намерениями (в гипотезе интерпретатора) можно метафорически представить как взаимодействие кислоты и щелочи, нейтрализующих друг друга. Сама же интерпретируемость, повторим, – это оценка каноничности продуцирования и распознавания намерений, т.е. мера адекватности намерений речам [H.Parret 1980a, с.135].

Намерение в оценке интерпретатора может противоречить стандарту каноничности. Например, когда слушающий воспринимает комплимент как иронию или даже оскорбительное замечание. Поэтому и саму оценку намерений мы относим к одному из кардинальных видов интерпретации, – а именно, к тому, который квалифицирует высказывание как тип речевого акта, в смысле "теории речевых актов" [W.Zillig 1982, с.32] {Note 1}. Причем основанием для такой оценки являются не только высказывания, но и смена этих типов в речи (см., например [Auwärter, Kirsch 1982, с.XVI]). В отличие от дешифровки и перевода из одной семиотической системы в другую, интерпретация полезна тогда, когда читателю неясны намерения автора речи [B.C.Hurst 1983, с.252].

{Note 1. Собственно говоря, теория речевых актов – это исследование принципов и свойств интерпретации намерений, основанной на интерпретации речи.}

Итак, установление явных и скрытых намерений отличает интерпретацию от остальных видов обращения со знаками. В этом смысле всякая интерпретация – интенциональный процесс [P.Charaudeau 1983, с.24]. Вот почему, в частности, вряд ли можно говорить о понимании (несомненно, интерпретирующей деятельности) как о перекодировке (перешифровке и переводе) поверхностных структур в репрезентации значения: понимание – деятельность, как минимум, на порядок более сложная, чем перекодировка.

С другой стороны, и намерения интерпретатора сказываются на его восприятии речи, это – второе из названных существенных отношений. Действительно, в зависимости от своих целей, замыслов и интересов (т.е., в конечном итоге, в зависимости от намерений), мы делаем одни, а не другие выводы по ходу понимания текста [Lockman, Klappholz 1983, с.62]. Интерпретация – гипотеза о том, что сказанное соответствует (в большей или меньшей степени) намерению говорящего, а также процессу передачи этого намерения, т.е. о том, что речь передает все трансформации, которым подвергаются исходные намерения говорящего в результате интерпретирования автором собственной же речи (когда не удовлетворенный своими формулировками автор вносит поправки и дополнения или даже отказывается от своих же высказываний). Но в то же время интерпретация укладывается и в

-115-

представления слушающего о том, насколько оказанное соположено с намерениями интерпретатора, т.е. насколько чужая речь "пертинентна" для адресата [D.Brockway 1982, с.11]: накладываясь на систему его мнений, интерпретация иногда вносит коррективы в эту систему. А ведь именно в рамках этой системы и приписываются именам референты [A.Bühler 1983, с.18], а предложениям – смысл.

Обе стороны интенциональности – намерения автора и намерения интерпретатора – тесно связаны между собой, и связь эта весьма индивидуальна: имеется два полюса на непрерывной шкале, характеризующей типы интерпретаторов. На одном полюсе – интерпретаторы, в данном конкретном эпизоде общения (но, разумеется, не обязательно всегда), пытающиеся выявить намерения автора как бы "через замочную скважину" {Note 1}. На другом же полюсе – те, кто абсолютно на каждом шаге внутренне протестует против навязываемой системы мнений, злорадно констатируя коммуникативные промахи говорящего. Ибо именно промахом можно назвать несоответствие намерений получаемому эффекту. Не дай бог такому интерпретатору столь же сверхкритично относиться к своей речи: он обречен на молчание.

{Note 1. Такие подглядывающие интерпретаторы, по [J.F.Allen 1983, с.262], "наблюдают" за сменой высказываний, предполагают, что автор хотел сказать именно это, а не что-либо другое, делают заключение, что именно данного результата и добивается автор речи, и послушно вносят коррективы в свою систему мнений.}

Тем самым мы возвращаемся к межличностности интерпретации. А именно, эмпатия – не только принятие точки зрения говорящего, взгляд на вещи чужими глазами (когнитивная эмпатия), но и готовность узаконить ("легитимизировать") реальные и потенциальные намерения чужой речи. Первый вид – принятие презумпции автора, а второй – интенциональный. Первый вид связан непосредственно с запасом знаний (глобальных и локальных), а второй – со стратегиями интерпретирования.

3.1.9. Тональность понимания

Поскольку понимание как взаимодействие модулей неоднородно, интерпретатор должен всегда выбирать тональность, обеспечивающую единство, целостность своей интерпретации. Целостная интерпретация выполнена в одной тональности. Этот "ключ" (который сродни музыкальной нотации) определяет взаимодействие модулей на протяжении эпизода понимания, определяя само понятие такого эпизода (ср. иной взгляд на определение "эпизода" в работе [Х.Бйм 1980]). Тональность меняется, когда в стиле понимания (в рамках одного или нескольких модулей) происходит передвижка. Ведь на разных этапах общения с человеком различной бывает наша симпатия по отношению к точке зрения собеседника; степень активности внимания и приспособленность к обстоятельствам понимания также варьируются. "Дух времени", "стиль эпохи" – относятся именно к тональности понимания.

Тональность соотнесена с развитием понимания в реальном времени, позволяя типологизировать стили понимания {Note 1}. Идея тональности соответствует тому представлению о понимании, согласно которому, начиная читать произведение, написанное в известную эпоху (т.е. обладая уже определенными ожиданиями относительно того, что мы сейчас читаем), мы настраиваемся на нужную "волну", которая может так и не меняться на всем протяжении чтения, а может и постепенно передвигаться в ту или иную сторону, скажем, по хронологической оси. Например, настроившись на тональность "эпохи Пушкина", мы постепенно можем передвинуться в сторону ключа "современность", забыв удаленность автора от нас во времени настолько, что даже языковые особенности пройдут незамеченными. Так один эпизод понимания незаметно для нас сменится другим. Набор тональностей, присущих данному индивиду, может быть приравнен к тому, что

-141-

в герменевтике называют "горизонтом горизонтов" понимания ([Н.Kuhn 1940, с.120]; ср. [Богин 1982, с.4]) {Note 2}.

{Note 1. Так, типология понимания, предложенная Ю.Хабермасом [J.Habermas 1981a, с.286], разграничивает перформативно-инструментальную, практически ориентированную, объективизирующую (в противоположность ориентированной на нормы общества) и текстообразующую разновидности, или, в наших терминах, "ключи". Но для

этой типологии центральный пункт – то, что мы называем модулем соотнесения с линией поведения интерпретатора.}

{Note 2. По уровням иногда различают следующие типы понимания:

а) семантизирующее (ориентировано на "декодирование" единиц текста},

б) когнитивное (освоение содержательности в рамках текста),

в) смысловое, или "феноменологическое", построенное на "распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых вне средств прямой номинации, но опредмеченных все же в средствах текста.

Последние выступают здесь не как знаковые образования, а как ассоциаты другого рода" [Богин 1982, с.53]. Вариативны, соответственно, и "техники понимания" [Богин 1982, с.66], с основными форматами:

а) распредмечивание средств текста,

б) реактивация прошлого опыта значащих переживаний,

в) переконцентрация (переключение личностной установки) [Богин 1982, с.67].

Такие "техники понимания", как нам представляется, характеризуют то, что мы назвали "модулями понимания", и репертуар их поэтому значительно богаче.

Еще одно направление типологизирования – в рамках "когнитивных моделей" – демонстрируется в работе [W.Kühne 1983, с.196 и сл.].}

3.2. Взаимодействие модулей понимания

В итоге понимание предстает как единый процесс, выполненный либо в одной тональности, либо в последовательности тональностей (и здесь аналогия с мелодией и сюитой). Взаимодействие модулей допускает рекурсию, параллелизм операций и диссонанс. Такое представление дает основания характеризовать термин "понимание" как "имя не одного процесса, сопровождающего чтение или слушание, а более или менее переплетенных процессов, взятых на конкретном фоне или в контексте, на фоне конкретных видов фактов, – то есть при реальном использовании известного языка или известных языков" ([L.Wittgenstein 1934/69/74, с.74]; см. также [H.Hörmann 1983, с.233]) {Note 1}.

{Note 1. Степень сложности понимания в коммуникативном аспекте можно [Fillmore 1968, с.214] определить как взаимодействие различных составных частей речевого акта. В терминах Дж.Серля имеем: референциальный, предикативный, иллокутивный и перлокутивный акты (см. [J.R.Searle 1969]). Различным степеням сложности соответствуют и различные виды намерений, реконструируемых при понимании и регулирующих его ход [Fillmore 1968, с.214].}

Понимание включает не только установление того, что сообщается, но и оценочную констатацию *Я понял / Я понимаю / Непонятно* и т.п. [A.W.McHoul 1982, с.120]. Так, неполное понимание в рамках одного или нескольких модулей, в результате отрицательной оценки ("неясно", "непонятно"), приводит в действие компенсаторный механизм, и тогда

остальные модули помогают правильно интерпретировать речь – или понять ее "с грехом пополам". Итак, "понимание" – оценочный термин, даваемый интерпретации (в той или иной степени оправданно), когда компенсация возможна.

Выработка же такой оценки – результат "процессов всей духовности" [W.Dilthey 1894, с.172] {Note 1}. Целеустремленность интерпретатора (направленность на достижение понимания) обуславливает обратную связь с говорящим, придавая скорость и автоматизм общению ([Marslen-Wilson, Tyler 1980]; см. также [P.Linell 1983, с.179]). При понимании передаваемые сведения вписываются в структуру знаний интерпретатора, что сопровождается реконструкцией знаний говорящего [Engelkamp, Zimmer 1983, с.33].

{Note 1. Подтвержденность такой оценки – это подтвержденность гипотезы об адекватном понимании, выдвигаемой, по [F.R.Barbò 1983, с.410-411], следующим образом: 1) интерпретатор видит, что другие обладают способностью к речевым действиям того же рода, что и он сам, 2) он выдвигает гипотезу о том, что интерпретируемые знаки передают те же знания, которые вкладывал бы в них и он, 3) подтверждения такой гипотезы он ищет в контексте поведения других лиц – говорящих; но такое подтверждение никогда не бывает окончательным.}

Итак, подчеркивая серийность операций, выполняемых при понимании, а также активность восприятия (при ней анализ контекста сказывается на ходе интерпретации) и организованность составных процедур – модулей понимания (ср. [Wanner, Maratsos 1978, с.122]), добавим, что каждый человек-интерпретатор – личность, обладающая неповторимыми чертами, не всегда позволяющими, в рамках предлагаемой концепции, обойтись подведением под общую схему {Note 1}.

{Note 1. В частности, к варьирующимся по степени следует отнести и те ведущие характеристики понимания, которые иногда [Dijk, Kintsch 1983, с.5] считают присущими пониманию вообще:

- 1) конструктивность,
- 2) интерпретационную направленность (когда восприятие речи сопровождается интерпретацией последовательности тех событий, которые в речи описываются),
- 3) протекание параллельно самой речи,
- 4) использование презумпций,
- 5) стратегичность (целенаправленность в создании внутренней картины),
- 6) социальную функциональность (вовлечение социальных факторов в интерпретацию, по-разному представленное, например, у экстравертов и интровертов),
- 7) интенциональность,

8) наличие обратной связи с говорящим по поводу мотивации, целей или намерений,

9) ситуативность (ведь в различных ситуациях одно и то же сообщение понимается по-разному).}

Таким образом, "понимание" – оценочный метатермин для процесса и результата взаимодействия интерпретационных модулей. Такое взаимодействие не следует рассматривать как переход от одного модуля к другому без возврата и без параллелизма операций. Предполагает

-143-

модульность и возможность диссонанса. Заставшая нас врасплох шутливо произнесенная угроза (когда мы не знаем, как расценивать такой акт речи), неизбежные метафоры, неуместное (по оценке интерпретатора) произнесение этикетных фраз (например, *До свидания!*, когда ожидается *Добрый день!*), интерпретирование заумных высказываний и предложений с нарушениями грамматических правил – все это примеры диссонанса при понимании.

В общем же случае, если отвлечься от индивидуальных особенностей и от патологии, модули взаимодействуют следующим образом. Интерпретируя выражение, мы обращаемся к нашим языковым знаниям, получаем модельный мир, включенный в рамки нашего внутреннего мира, с одной стороны, и в рамки реконструируемого внутреннего мира автора речи, с другой. Примерно так же происходит и выяснение замысла высказываний. Модельный мир мы сопоставляем со своим внутренним миром, в разной степени нами осознаваемым. Модельный мир, свой внутренний мир и информационный запас мы корректируем, соотнося их между собой. Результат этого ориентирует нас в наших действиях, как речевых, так и неречевых. Понимание подчинено принципам интерпретации и протекает как построение и верификация гипотез-экспектаций. Взаимодействие модулей и их "настрой" обладают обратной связью с тональностью понимания, в различной степени присущей тем или иным типам личности и меняющейся от одного эпизода понимания к другому.

Мы утверждаем:

1. Продуцирование речи происходит параллельно ее интерпретации самим говорящим.

2. Интерпретирование это основано на принципах, общих для всех языков, но воплощены эти принципы индивидами. В этом еще одно отличие от анализа в чистом виде, от деятельности по духу своему надындивидуальной.

3. Богатство идей об интерпретации и о понимании, накопленное на протяжении многовековой истории филологических наук – теоретического языкознания (в том числе, философии языка) и теоретического литературоведения (в том числе, риторики), если его переосмыслить в рамках

возникающей на наших глазах общей теории интерпретации, представляет собой главный лингвистический фундамент для теории искусственного интеллекта. Без такой теории прикладные системы обречены на дилетантизм.

Человечество многие тысячелетия справлялось со своими недугами с помощью домашних, "народных" средств. Сегодняшние экспертные системы, как и диалоговые системы, использующие естественный язык, в большинстве случаев основаны именно на "домашних" теориях, т.е. они внеположены какой-либо профессиональной лингвистической и шире, филологической теории. В этом смысле они сродни "народной медицине". Это был "героический период" искусственного интеллекта. Такое положение могло бы продолжаться и дальше. Но сегодня уже возникает противоречие между очень высоким уровнем современной электронной техники и лингвистическим теоретизированием любительского уровня. В частности, когда понимание речи приравнивается к распознаванию ее.

Итак, теории искусственного интеллекта должны базироваться на общей теории интерпретации, существующей *de facto* в современной филологии.